

ВСТРЕЧА ТРЁХ ЗАВЕТОВ

То, что творчество Достоевского насквозь мистериально, замечено давно. От внимательной проработки локальных тем (двойничество и т.п.) он переходит постепенно к всё более глобальным проблемам («князь Христос», например) и наконец (конец жизни, как оказалось) на страницах самого грандиозного своего Текста (романом это можно назвать только по стилистике романской архитектуры) появилась невероятное по размаху и глубине *событие* (совместное бытие) - столкновение и взаимодействие трёх Заветов европейской религиозной идеографии. При эзотерическом обзоре вышеупомянутой панорамы онтологическая основательность первых двух Заветов вопросов не вызывает; другое дело «Третий Завет».

Между тем, это не только самая сокровенная идея Европейской культуры (мыслителем, оформившим эту идею, был Иоахим Флорский), но и откровение, особенно выстраданное в России. Согласно русской народной эзотерике высота суть параметр Бога Отца, широта – Бога Сына, а вот глубина – это стихия Духа Святого. Так что, закончив свою земную миссию и оставляя ученикам вместо Себя Духа-Утешителя Параклета, Христос делает прививку аборигенству *глубиной*. И русская душа с энтузиазмом принимает этот дар, харизму в её наиболее чётком виде, и начинает работать и вне, и внутри себя именно в этом направлении. Уже Авраамий Смоленский был подвергнут остракизму за разыскивание, собирание и чтение “глубинных книг”. И хотя он остался непреклонным и верным глубине-голубине, трещина между официальными рясофорами – культовиками и людьми глубины – эзотериками продолжала расширяться, пока на страницах эпопеи Достоевского не обернулась противостоянием Зосима-Ферапонт. Нырание в кипящую глубину котла Млечного Пути – подобно ершовскому Ивану-дураку – стало подлинным русским молодечеством противу доисторического квадратномясного богатырства. Удаль а ля всем известный Илья уже более ни на кого не производит впечатления; трухлявый князь Мышкин супротив звероподобного Рогожина состязается без напряжения. Парфён вообще оказывается “красной девицей” (Парфён – *греч. чистый, девственный*)), лучше сказать – бабой, не потому ль малохольный Лев Николаевич гладит воющего и рыдающего белугой лубочного удальца. В «Братьях» выдюживает тоже один лишь Алёша – всё остальное смято и размётано, как пыль дольная.

Значит, *глубина* потентна нестигаемостью, особой прочностью на излом, и значит, вождеделение “глубины” отнюдь не глупость Ивана-дурака. Прыжок в котёл, конечно, смертельный трюк, но только кипящее звёздное молоко дарует преобразование. С другой стороны, по сю сторону бытия ему ничего не светит: Fool of Nature создан не для верных посюсторонних эволюционных накоплений. Ему не остается иного, кроме максималистского «всё или ничего». Собственно, «ничего» (или «почти ничего») и так уже с ним, да и риск его – всегда «ставка на Бога» (Знаменитый тезис Б. Паскаля). Лунный Конёк-Горбунок (абрис светлых и тёмных участков освещённой стороны Луны) при вечно задранном к небу лице всегда подстрахует, поможет – а Дух Святой нисходит на дурака (21-й аркан Тарота) голубем, на остальных (тех, которые “умные”, и тех, которые «и так и сяк») – огненными языками. Голубем, т.е. голубизной и глубиной небес.

Но как можно утешить безутешных? Да и в чём собственно утешать? В том, что вбивая гвозди, пару раз съездили себе по пальцам?

Параклет нисходит только на тех, кто сиротствует на Земле и находит утешение лишь в глубине Небес. Именно этим светятся глаза Алёши в знаменитой «речи у камушка». Этот свет он проливает на мальчиков, крестя их духом, т.е. привязывая их намертво к духовной оси координат. Именно из этих мальчиков вышли Д. Мережковский и Вяч. Иванов, М. Волошин и В. Брюсов, П. Флоренский и С. Булгаков. И все они вынесли главную благую весть из этого посвятельного преобразования: Третий Завет, чаемый самими высокими умами и глубокими душами человечества, реализован на земле. И *явление великого человека* есть лучшая демонстрация религиозной идеи. Недаром имя младшего Карамазова начинается с альфы – он воистину тот последний, кто стал первым.

Таким образом, все три Завета персонифицированы тремя братьями Карамазовыми; Фёдор Павлович предстаёт в этом случае своеобразным раблезинованным Иеговой, а Смердяков – сектантскими уклонениями. Тогда и Скоттопрогоньевск вырастает до глобальных размеров метафоры земной юдоли, а из “юдоли” выглядывает сальный Иуда и подмигивает, осклабясь. Сразу находит свое оправдание мелодика отношений к отцу каждого из братьев (“йеховах, кацо, йеховах!”). Но особенно выразительны и значительны к этому ключе взаимодействие и отношение братьев друг к другу. И становится понятной та сверхзначительность, которая самоочевидно проступает наружу в своего рода «картина в картине» романа в сумме глав, составляющих книгу «Pro и contra». Мифологическое пространство-время, в которых происходит действие этой “драмы идей”, делает понятной всю захватывающую дух невероятность самой экспозиции главы «Братья знакомятся». Ведь действие происходит на том самом тракте, который ведёт на бойню, поэтому и разговор, несмотря на интеллигентские реверансы, носит характер не праздной говорильни двух заштатных людишек, а дипломатических переговоров, в которых

решаются судьбы народов, – больше, – всего человечества. Ещё бы! Через голову Второго Завета (но при его незримом присутствии) Третий Завет общается с Первым! Вот почему здесь значительны каждое слово, каждая интонация.

Общая структура диспозиции такова: Первый (Ветхий) Завет – закон; Второй (Новый) Завет – закон, корректируемый любовью; третий Завет – любовь. Таким образом, “сходятся” крайности; медиативность Второго Завета исчезает; становится ясно, что хотя Планетарный Логос вечен, однако Его приход на Землю есть феномен зоны хроноса, и мы, человечество, удаляемся от этой точки все дальше и дальше. «А счастье было так возможно, так близко!...». К сожалению, абориген приобщается к аватару путём пожирания последнего, не всегда даже с предварительным убийством. «Возьмите, ешьте, это Моё Тело, пейте все из неё (чаши), это Моя Кровь...» – это говорит ещё живой Иисус. Ни Иван (Первый Завет), ни Дмитрий (Второй) не способны на диалогизм – им нужно только выговориться; наоборот, роман кончается первым и единственным монологом Алёши – «речью у камушка» (внутренние монологи не в счёт). Так что Третий Завет является не только апофеозом, но и оправданием первых двух. В огненных протуберанцах Алёшиных слов воскресает не только Илюшечка, но и затравленный мальчик ивановского рассказа. Да и Дмитрий после Сибири, и Иван после горячки – где найдут они утоление и покой своим мятущимся душам? В пошлой мякоти шлафроков и ватных халатов, составив очередные “рыла” в паноптикуме “мёртвых душ”?..

Недаром каждый последующий Завет является исполнением предыдущего. И их персонификаторы – носители соответствующей идеологии последовательно увеличивают свой потенциал по линии «сметь». Где пасует в своей интеллектуалистской закомплексованности Иван, там раскован “рубаха-парень” Дмитрий, где робеет и дергается Дмитрий, там спасает положение Алёша, который смеет всё (кроме гнусностей). Именно Алёша замазывает негодяйство рубахи-парня, добывая и выковыывая абсолютно по-взрослому свой юношеский апостолат. Вот это-то поколение, раскрывая внутреннюю сущность своего учителя, оформило идеологически и текстово принципы Третьего Завета. А Мережковский, приняв посвятительное благословение от самого Достоевского, стал своего рода Иоанном Богословом этого служения.

Но вернемся к истокам этой глубочайшей и виртуозно – и с литературной, и с эзотерической стороны – выполненной персонификации.

Поскольку земной отец является лишь не всегда уклуже ведущим себя посредником, то ключ к правильной идентификации находится в характере матерей братьев. Мать старшего – Аделаида Ивановна, *красивая, из бойких умниц*, дала в своё время примазаться к своему благородному сословию (древнегерманское значение имени) мозгляку и сладострастнику Фе Ка (лии) – Федьке Карамазову, к которому была фригидна, поскольку «мигом разглядела, что мужа своего она только презирает, и больше ничего». Над этим

«ничего» подвешен дрыгающий ножками в воздухе картонный шут, в которого превращается «Палыч». Мите в это время 3 года; растёт он среди гарема, появившегося в доме сразу после бегства «с семинаристом-учителем» идола-мамашки. И вырастает из него свирепый сенсуалист, Распояс Распоясыч, “Туляй Ваня” и юрод, но уже совсем не забавный. Историческое христианство, вплоть до автора его – апостола Павла – полностью вписывается в этот психологический гротеск. Он соответствует семантеме 21-го аркана Тарота «Сумасшедший», поскольку узнав, что его по наследственным делам обобрал папашка, «почти вышел из себя и как бы потерял ум».

Два других брата рождены были от другой матери, Софьи Ивановны – «из другой (sic!) губернии» – женщине феноменального смирения и безответности, какой, впрочем, и надлежало быть по смыслу Софии – Премудрости Божией. Итак, старший её сын, Иван, гениальных способностей мальчик, вырос в рационалиста и аналитика, интеллектуала *par excellence*, внимательного «очевидца» и холодного скептика. Именно соединение всех этих качеств приводит к ошеломительному успеху его статью о церковном суде. После её публикации «многие из церковников решительно сочли автора за своего», хотя «даже сами атеисты принялись и со своей стороны аплодировать». Доведя картину до мистической гротесковости, Достоевский поддаёт жару; «В конце концов некоторые догадливые люди решили, что вся статья лишь дерзкий фарс и насмешка». Ну прямо-таки «*И ничего во всей природе / Благословить он не хотел*».

В отличие от него младший сын Софии – Алёша был «вовсе не фанатик» и «даже не мистик вовсе»; он был «даже больше, чем кто-нибудь, реалистом». Реализм же – идеология Эпохи культуры – разработанный и введенный в духовный оборот Гёте, может покоиться только на знании. Наполненный – по-молодости – радостными токами предзнания, Алёша весь устремлён к благому познанию, смело и светло преодолевает все коллизии и страдания, которые подбрасывает ему жизнь. Собственно, бесстрашие и есть его главная отличительная черта, что является верным признаком персонификатора Третьего Завета, ибо после итогового Пятого Евангелия – Евангелия от Михаила – мы знаем, что *трусость есть самая страшная человеческая черта*.

Как никто другой, Алёша соответствует великой эзотерической формуле: **познание и любовь одно, и страдание – мера их**. Только носителя этой великой идеи «никто не мог ни удивить, ни испугать, и это даже в самой ранней его молодости».

Итак, идеологическая диспозиция такова: сталкиваются, сшибаются, рассматривают и оценивают друг друга *сенсуалист, рационалист и реалист*. В линейном пространстве-времени диалогически соединяются поочередно эти составляющие, и вольтова дуга идеографии даёт вспышки-озарения необычайной яркости. Особенно выразительна единственная “лобовая” встреча двух “сыновей Софии” в трактуре «Столичный город». Здесь осуществляется

прорыв в циклическое пространство-время и пограничье мифологического (в этом же пограничье происходит и замечательный разговор с чёртом). Полный прорыв в мифологическое пространство-время осуществляется только в «речи у камушка», где девятнадцатилетний Алёша, пройдя Солнечную ступень посвячительной лестницы Тарота (19-й аркан), переносит центр тяжести в 20-й аркан «Воскресение из мёртвых».

Вообще, гениальный Достоевский, набивший руку на психологизме, своим орлиным взором умеет схватывать поток бытия и панорамно, и “мелкоскопично”, причём, резко поворачивая “ручку переключателя” вводит в заблуждение исследователей безусловностью своего мифа. Между тем, каждая деталь его произведения значима прежде всего гностически, несмотря на всю её и их в сумме литературную пронзительность. Именно мерная, величественная эзотерическая поступь заставляет его часто переходить меру обывательской эстетики и мещанского вкуса, взывающих к “ласканию уха и глаза”.

А ведь это не параноидальная вычурность и не натуралистическая “случайность”, что братья до встречи на пороге событий романа «совершенно друг друга не знали». В аспекте трёхзаветного ключа становится понятно, почему Алёша «скорее и ближе сошелся» с Дмитрием, чем с положенным дальше в гностической топологии Иваном.

Причем тут “вера”? Вот: «Он ужасно интересовался узнать брата Ивана» – узнать! – а не просто подружиться-потрепаться; это больше, чем плотски-материалистическое библейское «познать» («И Авраам познал Сару»), – это гнозис навьлет, до сердца, на убой.

Итак, происходит знаменитая встреча... Происходит она в трактире «Столичный город» – и название это является ключом к разговору. Столица – стол – сто(л); а 100 – числовое значение 19-го аркана Тарота «Солнце». Мы уже знаем, что это Алёшин аркан (помимо своих девятнадцати лет, Алёша ещё и единственный из всех подлинный человек, т.с. *цело-век.*); так что – первый важный вывод: встреча происходит на “Алёшиной территории”, поэтому он, как хозяин, за столом тактично молчит, даёт выговориться “единоутробному незнакомцу”. Иван же в свои 23 года представляет топологически аркан «Маг», достигнутый в результате прохождения всей посвячительной цепочки арканов ступеней.

Символический рисунок этого аркана изображает Мага-Осириса; он же – созвездие Орион египетской мистериософии. Это же созвездие (пояс которого из трёх звёзд идентифицирован в мифологии Нового времени с тремя волхвами-магами Нового Завета) напоминает абрисом потир, кубок, чашу Грааля. Этой теме посвящена глубочайшая разработка Белого Братства, фиксированная Андреем Рублёвым в иконе «Троица».

И что же? Почти с первых слов ключом-паролем из уст Ивана вылетает слово «кубок», причём магически и эзотерически внятно звучит подряд трижды (в четвёртый раз кубок появляется в конце разговора только для того, что-

бы Иван хрястнул его оземь). Правда, Иван комплексует, старается говорить не на “выспреннем” языке библейских пророков, но на “интеллигентском” языке греческой образованности, усвоенным европейской культурой, которого тут же не хватает; поэтому речь получается то скомканной, то пунктирной – и обращаясь к светилу разума, он виновато улыбается: «Понимаешь ты что-нибудь в моей ахинее. Алешка, аль нет?» (обратите внимание на это “торчащее” алхимически-алгебраическое *аль*).

Что же Третий Завет? – «Слишком понимаю, Иван». (Это в атмосфере тотального взаимного непонимания персонажей романа! – Bravo!)

Однако рационалист Иван призывает «жизнь полюбить больше, чем смысл её». Таковыми были мессианские ожидания иудеев времени младших пророков и вавилонского пленения. Египтянин Моисей *ушёл*, оставив евреям логику мелочного и унылого дискурса, но они ждали... ждали... И вот он, взрыв.

Однако «клеякие листочки» заслужить надо. А до этого – ой как далеко!

И несмотря на иронию по поводу Алёшиной *profession de foi*, следует уже не *profession*, а целый CONFESSIO Ивана с истерическим «верую», что, впрочем, для ветхозаветного человека весьма даже оправдано. В этой расплавленной лаве словес звучат многие эзотерические тайны (недаром идут постоянные ссылки на розенкрейцерскую начинку “шекспировских” пьес). Например, вдыхание духа в человека в возрасте около семи лет: «Дети... до семи лет страшно отстоят от людей: совсем будто другое существо с другой природой». Выясняется невероятная гностическая оснащённость “простака” Алёши – прямо кабалистический нотарикон какой-то: «А ты удивительно как умеешь обращаться словечки, как говорит Полоний в «Гамлете», – засмеялся Иван. – Ты поймал меня на слове».

Таким образом Алёша, ключевым словом которого является слово «любовь», представляет собой новый, сугубо розенкрейцерский тип «ловца чело-веков», выпестованный в эзотерических тайниках европейской культуры.

Но и Иван не хочет представлять собой разлапистый, “пархатый” Ветхий Завет; он страстно взыскующей истины душой пришёл к самодержавию факта и упёрся в него своим пылающим лбом: «Я ничего не понимаю... и не хочу <...> ничего понимать. Я хочу оставаться при факте. Я давно решил не понимать. Если я захочу что-нибудь понимать, то тотчас же изменю факту, а я решил оставаться при факте...»

Таков честный итог хождения в лабиринте дискурса, – малая истина пасует перед большим, “поперёк горла” встающим фактом; теперь надо бы перейти к Истине с большой буквы – но, поскольку, «когда Он явился, мир Его не узнал», это остаётся делом Третьего Завета. Да, «если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходимо была для покупки истины, то я утверждаю заранее, то вся истина не стоит такой цены». Это Иван. – А стоит ли всё человечество все вместе взятое страдания и смерти за

него самой Истины? И неча на деток ссылаться – детка это возраст, а не персона. Распинатели тоже были детками. А закусывал Иван уж не деткой ли овцы, недавно ещё смотревшей доверчиво на руку хозяина с ножом, в ней занесённым? И тут Иван лезет в заглавник за своим “святая святых”; тут и начинает звучать «вещь нелепая» (то есть ахинея от первого до последнего слова), всем известная ныне Легенда о Великом инквизиторе. «Пустячок» в стиле (и в силе) Данте, о чём сразу и заявляется на всякий случай для самых непонятливых. Потому что это невероятно важно. И действительно, вопрос поставлен ребром: что нужно по отношению к Нему – поклоняться или понимать? Тут появляется и Рабле с баранами Панурга (т.е. демиурга и теурга одновременно) – бараны предпочитают поклоняться. Но выясняется, что для поклонения Истина совсем не нужна, да ещё «в рабском виде», – нужны позлащённые местоблюстители – рясофоры, вполне доступные для ума («постижные уму»).

И тут становится очевидно, что толпа с хоругвями помавает ими для собственного прохлаждения, ибо только понимание есть высшая форма любви.

Вот и весь сказ. Но что удивительно – эту поэму проскочившего в XIX век рапсода все почему-то держат за притчу. Да нет же: «Что непременно и было так, это я тебе скажу». Т.е. Ветхий Завет, с потрохами преданный факту.

Но тут возникает видение «великопостника» Ферапонта в окружении холуёв с Ракитиным во главе (ибо и все остальные *раки тин*). Это какой такой «Планетарный Логос»?! – Персонаж I века нашей эры (нашей, господ, нашей). С Логосом постоянно живут, а от этого мы все удаляемся и удаляемся. И вдруг – нате – явился. «Сам старик... (Великий инквизитор, который, опять же, “старик” (имеется в виду кличка известного персонажа века XX))... замечает Ему, что Он и права не имеет ничего прибавлять к тому, что уже прежде сказано». Ну конечно, лучше чтоб висел и молчал: «Верую во Христа распятого... и молчащего». – А хотят, чтоб история шла вперёд. Это как же, позвольте вас спросить, милостивые господа, когда Он и есть её сердце, душа и мотор.

И конечно, Он всё о любви, о любви... А любовь – это свобода выбора; без этой свободы возможно только рабское послушание; а «на рабстве ничего нельзя построить, кроме бунта рабов» (А. де Сент-Экзюпери). – Что мы и имеем.

Когда Великий инквизитор говорит о любви – не верьте; он хлопочет о жалости. А вы не обращали внимание, что это слово вползает на насекомых лапках Ж с жалом внутри? И правильно подмечено, что «человек ищет не столько Бога, сколько чудес». Ну, чудесмейкеров нынче хоть отбавляй – Гиннес завял удивляться.

Так что, господа, – хлеба, зрелищ и водки...

А Этого Бунтаря в рванье исправят и подправят, перескажут и адаптируют, аранжируют и ангажируют. Взять Его! Dixi (ленд).

Вот так вот. «Не для таких гусей... (Хансов – Иванов)... великий идеалист мечтал о своей гармонии». Так, «сто тысяч страдальцев», взявшихся некогда посредничать между людьми и Истиной, в конце концов, образовали “буферную зону”, взяв на себя заботу гладить по головкам этих завшивленных и чумазных.

А Христу они совершенно справедливо пеняют, что Он, будучи на земле, служил Истине, а не людям. Ишь, тоже мне: «Не мечите бисер перед свиньями». – Это кто “свиньи”?! – Идите сюда, мы вас утешим. И Дух-Утешитель праздно машет крылами.

Резюме: нельзя держать людей и Истину отдельно друг от друга. Но и с Ней они жить не хотят. Приходится лавировать. *Зло на земле неуничтожимо, ибо борьба с ним – это и есть жизнь.*

Но Эпоха культуры решает проблему: «Я напою тебя жаждой и укажу, где источник» (А. де Сент-Экзюпери).

И «Великий Архитектор» и «масонство» появляются как словесные фигуры в ивановской речи. Но в 70-80-е годы структура русских тайных обществ начала “створаживаться” в карикатурную партийность, а говорить о ней (part – часть) в масштабе вышесказанного не приходится.

И все-таки Истина (в отличие от истины) – не только для общего, но и для частного потребления. Узник целует Великого инквизитора в его «бескровные» уста (обратите внимание: Он – сто (слово *сто* многократно появляется в тексте «Рго и contra»), достоинство, стойкость целует в то, что «у ста» – это и пронимает) – и старик “даёт слабину”: отпускает Пленника: «Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!..» Ад... ад... – отскакивает последнее слово от «тёмных стогн града». Это и подхватывает Алёша. «С таким адом в груди и голове разве это возможно?» – ужасается он.

«Есть такая сила, что все выдержит, – с холодной уже усмешкою проговорил Иван. – Какая сила? – Карамазовская...» (звучит безапелляционно: карломарксовская...) Сила низости «карамазовской».

Поразительно, что ни Иван, ни Алёша (первый от эгоцентризма, второй из категорической незлобивости) не замечают, что Иван припечатывает этим кизяком и младшего брата (причём, единоутробного). Как-то это проскакивает незаметно. Между тем в этом вся соль (философская). Иван – своего рода алхимическая реторта, в которую насыпаны абсолютно разные, порою взаимоисключающие ингредиенты: гениальность и карамазовская низость, коммерческий цинизм «очевидца» и высокая мудрость поэмотворца, искренность страдальца за «деточек» и скептическая холодность сноба, рассуждающего о тупости миллионов, романтический пыл рыцаря-и-кавалера и брезгливость фразёра и белоручки... И-one, всегда И-one... штучное производство, или попросту – “штучка”. Но атанор раскалён, и плавление началось.

Дмитрий борется с проклятием всех русских Дмитриев – приставкой «лже». Страстные извороты постоянно оказываются фанфаронством и буф-

фонадой, гомерически раздутыми ноздрями с давно утраченной путеводной нитью долженствования; все его конвульсии – это «танец вприсядку, когда гости уже ушли»; не понятно даже, любит ли он Грушеньку; в конце концов, он как-то неуклюже “вляпывается” в неё, реализуя известную детскую драгилку: «муж, муж, объелся Груш»... Включается рефрижератор Сибири и начинается обработка холодом.

Да и Алёша хлопотливой своей беготней смахивает на вышеупомянутого Полония, пока мать не оседает сама собой, и ему не предоставляется “последнее слово”. Короче говоря, – ничего законченного, заочно законного. Но и бурлят события «во здравие» только благодаря обещанному воскресению; изыми из ситуации Алёшу, и все мгновенно превратится в гнилое болото «Мелкого беса». Как литература «Братья Карамазовы» положены ровно на полпути от «Задонщины» к «передоновщине». Как мистика они стоят над плоскостью земного бытия.

Но что же об общем корне? Хтоническая суть фамилии «Карамазовы» не вызывает сомнения: мазаные чёрным чернозёмом, грязью; несущие в себе кармическую кару – вот её семантическая развёртка. Связь с цепью стратификационных арканов (8-й «Правосудие»; 9-й «Отшельник»; 10-й «Колесо Фортуны»; 11-й «Сила» 12-й «Повешенный»; 13-й «Смерть»; 14-й «Время»; 15-й «Сатанаил») здесь несомненна, и была – каким-то сверхчеловеческим способом – заложена заранее, в плане.

Иван: «Отшельник» манфредовского типа: «Повешенный» на собственной гордыне; проходящий в горячке вблизи «Смерти»; в конце концов, общающийся с чертом – «Сатанаилом».

Дмитрий: подпадает под жесткую руку «Правосудия» (события Достоевским реконструированы от финала); «Отшельник» поневоле, когда его увозят в Сибирь; все это есть игра «Колеса Фортуны»; «Повешенный» на признании чужой вины; мнимо сотворивший «Смерть», за что должен заплатить «Временем», утратив «Силу».

Алёша: монах, т.е. «Отшельник»; поворот «Колеса Фортуны» приводит его к уходу в мир; своей беспримерной смелостью он постоянно демонстрирует скрытую «Силу»: «Повешенный» на древе родственного участия; сталкивается со «Смертью» во время ухода из жизни любимого учителя; нигде пластическая структура «Времени» не обнажается так наглядно, как во время его плача-молитвы Матери-сырой земле; и он единственный с честью выдерживает экзамен Экзаменатора 15-го аркана.

Так что «сила низости карамазовской» – это мощнейшая хтоническая сила, в Алёшином случае невероятно потентная возрождением. Ибо ни распашная дерготня, ни высокомерное чистоплюйство не достигают конца “посвятительного коридора”: Иван – Ветхий Завет рассыпается по дороге, а Дмитрий – Новый Завет, соответственно, несёт наказание за криминальный помысел; Алёша же все идёт и идёт, все выше, выше – Завету Духа Святого

нет места в мире, где царствует Spiritus Vini. Духовное пьянство Дмитрия – это пурген вместо Панурга; жестоковъйная трезвость Ивана – это скопческий эскапизм; и только ласковая мера Алёши живительна и вдохновенна. Его юношеское априорное доверие к миру становится сначала словом «вера» подсказанной идеологии и, в конце концов, словом «мера» при Алёшином провиденциальном возвращении в мир. Правда, в реальном посюстороннем мире у него нет ни места, ни семьи, ни пристанища (как у «Дурака» Тарота), поэтому Достоевский во втором томе романа задумал обменять его жизнь по-выгодней для Отечества, нутром (памятующим о юношеских пертурбациях) почувствовав величие трагической святости русских бомбометателей.

Но тут герой романа вместе с автором перешли по ту сторону бытия.